

Видя, что Лань Цин не собирается менять своё решение, он взглянул на Мо Чанфэна, стоявшего рядом, но тот лишь спокойно смотрел на него, словно говоря, что помочь ничем не может.

Придётся справляться самому? Чу Тянью задумался и, наконец, нашёл подходящий аргумент, хотя и чувствовал, что он звучит немного неестественно.

В исключительных случаях нужны исключительные меры. Эту ситуацию необходимо решить быстро, нельзя затягивать.

— Я уже вырос, — спокойно сказал Чу Тянью, глядя в глаза Лань Цин, его губы слегка приподнялись в улыбке, которую он старался сделать максимально естественной. — Теперь я жена Чанфэна, его спутник Дао. Я научусь заботиться о нём.

— Но... — Лань Цин хотела что-то добавить.

— Чанфэн тоже будет заботиться обо мне. Сестра Лань, не трать свою жизнь на меня... Жизнь долга, и не каждый может пройти весь путь рядом с другим, — сжав зубы, Чу Тянью понял, что нужно прибегнуть к более жёстким словам. — Возможно, мы сможем идти вместе лишь некоторое время.

Он сам добавил обращение «сестра Лань», считая, что если прежний хозяин тела мог называть Мо Чанфэна «старшим братом», то и обращение «сестра» будет уместным.

На лице Лань Цин появились печаль и разочарование, но она понимала, что девушка, которую она вырастила, права. Продолжительность жизни культиваторов велика, и один период затворничества может длиться целую жизнь обычного человека.

— Я поняла, молодая госпожа, — она улыбнулась, глядя на девушку с благородной осанкой, но в памяти всплывал милый ребёнок с пучком волос на голове. — У меня есть жених, с которым мы обручились с детства. Я хотела провести с вами ещё несколько лет, но теперь, видимо, это невозможно.

— Лань Цин не хочет вас задерживать. После трёх дней свадебных церемоний оставьте меня здесь.

Чу Тянью глубоко вздохнул, чувствуя, что снова играет роль злодея. Взглянув на Мо Чанфэна, который оставался спокойным, он вдруг осознал, что его внутренняя практика ещё недостаточно сильна.

Ему казалось, что Лань Цин уже заметила что-то неладное. Он мысленно извинился:

— Мы обязательно придём на свадьбу.

Это было всё, что он мог сделать для прежнего хозяина тела, и способ завершить отношения между госпожой и служанкой.

Будь то Цзи Уя, переродившийся заново, или Чу Тянью, который по странному стечению обстоятельств стал «Дао-цзы» Секты Меча Небесного Дао, они оба не говорили, что Чу Тянью умер, но в глубине души пришли к одному и тому же выводу.

Душа культиватора на этапе закладки основания не может покинуть тело. Если она отделяется от тела, то в течение полуминуты связь разрывается, и три души и семь духов возвращаются в свои места.

Даосский трактат «Юньцзи Цицян» гласит, что у человека есть три души и семь духов. Три души: Тайгуан, Шуанлин и Юйцзин; семь духов: Шигоу, Фуши, Цюэинь, Туньцзэй, Фэйду, Чухуэй и Чоуфэй.

Три души и семь духов культиватора на этапе закладки основания мало чем отличаются от обычного человека. Как только связь с телом разрывается, с точки зрения законов Небесного Пути это равносильно «смерти», и душа быстро перерождается.

С учётом уровня мастерства Чу Тянью, в девяти случаях из десяти он уже переродился.

А Чу Тянью, который, скорее, занял тело, недавно покинутое душой, чем совершил настоящий захват, оказался в ловушке из-за травм, нанесённых его душе ветрами пространственной трещины.

С точки зрения Цзи Уя или Мо Чанфэна, Яогуан, переродившийся через захват, не был их врагом, а смерть Чу Тянью не была связана с ним. Их отношения не должны были быть напряжёнными.

К тому же теперь они стали спутниками Дао, и в вопросе смерти Чу Тянью он, конечно, склонялся к тому, чтобы помочь своему спутнику.

Что касается Яогуан, он не возражал, чтобы тот использовал облик Чу Тянью. Ведь он сам использовал лицо Мо Чанфэна?

Для культиватора внешность — лишь оболочка. Какая разница, была ли его прежняя внешность красивой или уродливой? Его лицо, будь то мужчина или женщина, считалось совершенным.

Но какой в этом смысл? С таким лицом мужчины просили его стать их спутником, а женщины либо считали его подругой, либо чувствовали себя недостойными стоять рядом с ним, даже не желая быть подругами.

Цзи Уя, вспоминая толпы мужчин, которые добивались его внимания, невольно содрогался. Он скорее спрыгнет с башни Сюаньтянь и утонет в Восточном море, чем согласится на их ухаживания.

Отбросив причины своего перерождения, Цзи Уя был доволен тем, как Небесный Путь Низшего Бессмертного Мира «открыл ему двери» и «спланировал» его жизнь.

Он не держал зла на Небесный Путь за то, что в прошлой жизни тот не нашёл ему спутника. На этот раз Небесный Путь поступил правильно, найдя ему спутника, который сразу пришёлся ему по душе.

Цзи Уя задумчиво смотрел на Яогуан. Яогуан, Яогуан... Это имя ассоциировалось с мерцающим светом. Услышав его, можно было представить красавицу с ясными глазами и белоснежным одеянием.

Тот, кто носил такое имя, должен был быть молодым, талантливым и сильным культиватором. Ведь самое прямое, что приходит на ум, — это звезда Яогуан в созвездии Большой Медведицы, отвечающая за убийство и разрушение.

Чу Тянью махнул рукой, отпуская Лань Цин, сказав, что ей больше не нужно оставаться. Взглянув на задумавшегося Мо Чанфэна, он неожиданно почувствовал, как в душе поднялась волна сожаления.

Даже если Мо Чанфэн не станет гневно обвинять его, как «захватчика», то хотя бы дистанцируется. Это избавило бы его от необходимости думать, как реагировать на его доброту.

Он чувствовал, что Мо Чанфэн слишком добр к нему, слишком понимающ и разумен, хотя в глубине души Чу Тянью не считал себя виноватым.

— Пора поесть, — сказал Чу Тянью, чтобы напомнить Мо Чанфэну, что пора отвлечься от размышлений.

— Ты тоже ешь, — очнувшись, Цзи Уя улыбнулся.

Чу Тянью молча ел, не говоря ни слова.

Стол, уставленный блюдами из овощей и фруктов, наполненных духовной энергией, казалось, привлекал всё его внимание, хотя на самом деле он думал о другом, почти не ощущая вкуса пищи.

До того как культиватор достигнет этапа, когда ему не нужно есть, он может принимать пилюли для воздержания от пищи. Чу Тянью, прожив более шестисот лет, почти не

наслаждался жизнью. Возможно, для него практика Дао и была наслаждением?

Каждый день он либо погружался в совершенствование, либо наслаждался затворничеством. За последние шестьсот лет он лишь несколько раз покидал гору, в основном чтобы уничтожить демонических культиваторов.

Для него в этом мире, казалось, не было ничего, что могло бы вызвать его интерес.

Говорили, что Чу Тянью холоден и сдержан, что он обладает благородным сердцем, но смотрит на мир свысока. Если бы не его выдающееся Сердце Дао и удача, он бы не смог так легко пройти путь практики.

Так ли это?

Вспомнив Лань Цин, Чу Тянью, обычно равнодушный к мнению других, почувствовал лёгкую пустоту.

Ему не хотелось всё время играть роль молодой госпожи в глазах Лань Цин. Даже оказавшись в затруднительном положении, он не хотел идти на компромиссы... Во всей этой ситуации он не причинил вреда ни Мо Чанфэну, ни кому-либо ещё. Если разобраться, для него это тоже было испытанием.

Он мог временно быть «Чу Тянью», но не мог вечно избегать этой проблемы. Сжав губы, он вспомнил вчерашний вечер. Если бы не договор спутников Дао, возможно, он бы уже ушёл?

Эта мысль промелькнула лишь на мгновение. Вчера он мог уйти, но идея исчезла так же быстро, как и появилась.

Он мог легко уйти, но оставил бы за собой беспорядок.

С детства в Секте Меча Небесного Дао его учили быть безупречным культиватором, совершенствовать себя и свои мысли, чтобы они соответствовали пути Дао.

Он должен был быть примером для младших учеников, образцом для братьев по школе и достойным Дао-цзы Секты Меча Небесного Дао.

Всё это сформировало нынешнего Чу Тянью, чей характер и принципы были слишком строгими и правильными, что делало его образцом для подражания среди культиваторов.

Мало кто считал Чу Тянью лицемером или притворщиком. Многие искренне восхищались им, считая его лидером молодого поколения культиваторов Низшего Бессмертного Мира.

Секта Меча Небесного Дао занимала второе место среди сект Низшего Бессмертного Мира, и, по слухам, её история насчитывала более десяти тысяч лет. Позиция Дао-цзы в секте была особенной, и только сумасшедший осмелился бы оскорбить его.

В условиях, когда первая секта, Секта Сокровенного Бессмертного, почти перестала существовать, все понимали, что разница между первым и вторым местом была лишь в названии.

Закончив ужин, Цзи Уя велел убрать посуду и, глядя на рассеянного Яогуан, заговорил.

<http://bllate.org/book/15414/1363167>